

Женская инициатива

И если женщина приходит,
Чтоб оторвать тебя от дел,
Она тебя к тебе приводит,
О, как ты этого хотел!..
/ Римма Казакова /

Я, конечно, люблю грозу в начале мая, но не одобряю поведение небесной канцелярии, которая засыпает город кубиками льда, похищенными из морозильных камер безалаберных граждан.

Сначала град превратил мой любимый зонт в дуршлаг, затем стукнул своим отдельным увесистым представителем мне по макушке, вызвав дезориентацию в пространстве. Вместо того чтобы вприпрыжку добежать до подъезда, расстояние до которого измерялось тремя десятками страусиных шагов, я метнулся к автобусной остановке и сел в переполненное маршрутное такси.

Народ в салоне подобрался бойкий и неунывающий. Все наперебой делились увечьями, полученными в неудачных оборонительных боях с природным катаклизмом, случившимся в последний весенний месяц, который выдался на редкость жарким и засушливым. В этом году весна не спешила радовать теплом, пугала холодным ветром и утренними заморозками. Но в конце апреля преподнесла сюрприз - резко изменила свое безответственное поведение. Наступила долгожданная весна. Или скорее лето. Теплые куртки и сапоги горожане одним махом сменили, благодаря весенней дерзости, на легкие откровенные наряды и босоножки. Я имею в виду прекрасную половину человечества, сильная его часть меня мало интересует. Женщины вдохновляют меня на поступки. Иногда весьма неординарные. Весной я завожу уличные знакомства. Бреду по улице, скрыв от яркого солнца глаза за темными очками, и выискиваю жертву, как маньяк.

Или сказочный удав, который для начала оплетает будущую жертву сладкоголосыми речами. Почему сказочный? Потому, что только в сказках животные, звери и пресмыкающиеся умеют изъясняться человеческим языком.

Еще удавов и больших змей называют ложноногими, а меня можно назвать ложноречивым. Первое ко мне не подходит – я передвигаюсь на своих двоих, имеющих в основании сорок пятый размер.

Когда вижу перед собой красивую девушку, начинаю нести околесицу, которая сама срывается с моего языка. Я живу в прямой связи с температурой за бортом моей однокомнатной квартиры на пятнадцатом этаже шестнадцатизэтажного дома: чем температура выше, тем я сам более душевно открыт и безостановочно речист. Присущая мне закрытость и односложность в разговоре, даже некоторая косноязычность, сменяется лирической певучестью, граничащей с белым стихом. Увы, с рифмами у меня всегда было туго. Даже во времена мимолетной пиковой влюбленности.

Но вернемся в переполненное маршрутное такси, по стеклам которого потоком лилась дождевая вода. Естественно снаружи, но внутрь она так же просачивалась, доставляя неудобства сидячим пассажирам. Но сидеть – лучше, чем стоять с согнутой шеей и упираться подбородком в собственную грудь. Это я говорю о людях с ростом, варьирующим между баскетбольным и волейбольным. Хотя, разница здесь невелика. Но все же спортсмены – баскетболисты выглядят более грузными, чем прыгучие волейболисты. Я не зря так подробно сравниваю тех и других, чтобы могли ярче

представить меня – высокого молодого шатена, отлично владеющего своими ста десятью килограммами при росте метр девяносто четыре.

Да, май – месяц сюрпризов. Не только в плане встреч, но и поведения небесной канцелярии.

Думаю, в небе произошла авария – порыв основного водовода. Когда придет спаситель людей, он же сантехник на службе высших сил, и перекроет кран, никто не знал. Но спаситель не спешил. Наблюдать за чужими мучениями всегда легче, чем мучиться самому. Некоторые получают от этого наслаждения. Как я от голых круглых коленок, в которые уперся мой взгляд сразу, как только я оказался в компании мокрых и опешивших от прохладного душа людей.

Я не видел ее лица. Только коленки. У меня не хватало сил оторвать от них взгляд и обозреть ее всю целиком. Собрать воедино. Я видел круглые коленки и край серой короткой юбки, «побитой» темными дождевыми каплями, что давало мне возможность предположить – она успела спрятаться в маршрутке до того момента, как авария на небесном водоводе превратилась в кошмар с градом. Края мокрых пятен уже начали подсыхать, образуя переходную границу между темно-серыми пятнышками, беспорядочно разбросанными по юбке и серо-стальной ткани.

Я с интересом стал их подсчитывать, не выпуская из вида необыкновенные коленки, еще не покрытые загаром, и от этого какие-то трогательные. Положа руку на сердце, я боялся переместить взгляд на лицо. Боялся разочарования. Хотя, к таким ножкам должна прилагаться если не прекрасная, то весьма неординарная внешность. Особенная и запоминающаяся. Мимо такой девушки не пройдешь. Даже в унылую осень, которая перешла в фазу голого безразличия и дрожащего ожидания, или в зимнюю стужу, когда все желания находятся в режиме сонного ожидания.

Наверное, моя своеобразная заторможенность, напоминающая остолбенение после шокового сообщения, привлекла внимание девчушки, сидящей подле коленок. Вернее, рядом с их обладательницей. Веснушчатая девочка лет двенадцати отбросила за спину мокрую косу, попав в поле моего фокусного зрения. Коса была выдающейся – тугой и длинной, перетянутой на конце яркой резинкой зеленого цвета, напомнившей мне откормленную гусеницу, которая решила таким своеобразным способом отдалиться от сородичей и отдохнуть. Я не удержался и махнул взглядом по обладательнице редкой косы. Девчушка задумчиво свела на переносице бесцветные брови и снизу вверх посмотрела на меня. Я быстро оценил собственные внешние потери – мокрая одежда выглядела не комифо и вызывающе обтягивала мою рельефную фигуру. Я попытался вытянуть откуда-то сзади затерявшийся среди влажных тел и одежд кожаный портфель, надежно схваченный моей рукой за скользкую ручку, и только сейчас заметил, что с отслужившего мне верой и правдой зонта, прижатого другой рукой к поручню маршрутного такси, на веснушчатую девочку ритмично капает вода. Как из испорченного крана.

- Извини... те, - робко произнес я, мысленно ругая себя за невнимание к окружающим, которым я доставил неудобства.

Ладно бы девочка была приобщена к армии вольно купающихся, так нет, она была сухим пятно на общем мокром фоне. Была. Теперь низ ее оранжевого платья был усеян каплями с моего зонта.

Девочка не ответила на мое извинение, с трудом поднялась, склоняясь назад под человеческим натиском и пробормотала.

- Дядя, садитесь.

От неожиданности я втиснулся между нею и сиденьем и бухнулся на него, уложив на колени портфель и зонт. Затем опомнился и поблагодарил.

Девочка растянула губы, кивнула и заворожено уставилась на экран мобильного телефона, успевая зажимать его в руке и «бегать» большим пальцем по кнопкам.

С нового места любоваться коленками мне было сподручнее. Я нагло прижал свою ногу, обтянутую мокрыми брюками, к ноге соседки и зажмурился от удовольствия. Точно, маньяк! Или несказочный удав, завидевший жертву. Несказочный – потому что неспособный изъясняться человеческим языком. Все, как положено.

Маньяк–удав млел и мысленно уговаривал себя оценить внешность сидящей рядом девушки. А не только ее выдающиеся коленки.

Уговоры не заняли много времени, тем более водитель маршрутки откликнулся на призыв пассажира, решившего покинуть временный приют. Мы сидели спиной к водителю, рука храброго пассажира ткнулась между нами, протягивая деньги за проезд, я непроизвольно проследил за этой рукой, чуть отклонившись в сторону, скосил глаза и... насладился женским профилем. Темные завитки волос обрамляли его и вызываяще топорщились, как завитый одуванчик, который перед этим прошел обряд окрашивания. Мне захотелось протянуть руку и пригладить эти непослушные волосы. Или наоборот взлохматить еще сильнее. Я бы так и поступил, руководствуясь желанием, а не разумом, но стесненные в прямом смысле обстоятельства не позволили мне осуществить сей необдуманный поступок.

Я позволил себе вплотную придвинуться к хрупкому плечу соседки и переместить зрачки влево. До самой крайне опасной точки, способной вызвать переворот глазного яблока. Так утверждала моя мать, когда я от недовольства закатывал глаза. Тогда я перемещал зрачок вверх, теперь непривычно сдвинул влево.

Интересно, - подумал я, - а если зрачок уйдет из поля видимости, как вернуть его назад? Или это похоже на бегущую строку? Проехал с обратной стороны и вернулся на свое законное место. Захотел повторить, сдвинул зрачок влево, напрягся, «укатил» его в невидимую часть, продолжая вести, и снова вернул...

Я представил, как буду выглядеть... без зрачка и ужаснулся.

Это уже не маньяк и не удав. И не ослепший человек. Это человек, смотрящий внутрь себя.

И что я там увижу интересного? Разложенные по полкам мысли? Или своеобразные упаковки ума, рассортированные по годам – вот упаковка школьных знаний, вот - университетские, а это - для общего развития, полученные по личной инициативе.

Почему-то в памяти всплыли не конспекты лекций по экономической теории, а разделенный ровными линиями квадрат для игры в морской бой.

И не только это можно увидеть в моей голове. Есть еще кое-что, но об этом лучше не вспоминать. И не видеть. Поэтому с глазами нужно быть осторожными...

Для сохранения зрения я слегка повернул голову, будто желаю полюбоваться потоками воды, омывающими стекла, и покосился на соседку с изумительным профилем. В дополнение подергал внушительными плечами, словно пытался отвоевать себе побольше пространства. Но преследовал иную цель – хотел привлечь к себе внимание очаровательной незнакомки, чтобы завести разговор о погоде. Для этого все складывалось как нельзя лучше – мой интерес к ней, майская гроза с градом, ее трогательный профиль и ее круглые коленки.

Девушка никак не реагировала на мои попытки завязать временное знакомство. Или не временное, если к привлекательной внешности будет прилагаться богатый внутренний мир. Для меня это было немаловажно.

Она сидела с закрытыми глазами, отгородившись таким проверенным способом от окружающего пространства, постоянно приводимого в синхронное движение ловкачом водителем, комментирующим поведение пешеходов и природные бассейны, образовавшиеся на проезжей части.

При очередном резком лавировании маршрутного такси, девушка сместилась в мою сторону, будто хотела интимно поделиться нахлынувшим неудовольствием, но проскользнула мимо уха, не удостоив его вниманием, поехала дальше, медленно проводя плечом по моей груди. Прорезая его будто лезвием ножа и вызывая при этом аритмию.

Все произошло молниеносно, но для меня это была замедленная съемка. Я успел насладиться ее близостью, тонким ароматом туалетной воды, к которому примешалась дождевая сырость. Все вместе заставило меня провести языком по сухим губам, как умалишенный, гибнущий от жажды в эпицентре водной стихии. Пребывая в стрессовом состоянии, я совсем не удивился, когда ее голова в темных завитках легла на мои колени, на которых до этого были свалены кожаный портфель и мокрый дырявый зонт. Девушка не опомнилась, не вздрогнула от неприятного ощущения влажной неровности, соединенной металлическими спицами, не извинилась, попятив на собственную дрему, накатившую на нее в неожиданном месте, она просто сползла вниз, на мои колени и замерла в неудобной позе, обнажив красивое бедро. Я посмотрел по сторонам, ожидая замечаний и подсказок, но пассажирам не было дела до девицы, устроившейся на коленях парня. Эйфория от спасения еще не прошла.

Может, у нее болезнь? Одних людей в транспорте укачивает, а другие моментально погружаются в глубокий сон. Сел в машину, убедился, что едешь в нужном направлении и отключился. На конечной остановке тебя разбудит водитель. Или сам проснешься, едва прекратится убаюкивающее покачивание.

Для большей комфортности спящей, я приподнял ее голову и вытащил зонт, который успешно перекечевал под сиденье, отслужив свое.

Так и до беды недалеко, - подумал я, барабанив пальцами по боковой части портфеля. Затем рука сместилась в сторону, незаметно провела по взлохмаченной женской голове, будто случайно зацепила ее по пути к подбородку. Я усердно потер его, выказывая высшую степень непонимания дальнейших действий. Скопил глаза, насколько было возможно, в сторону разговорчивого водителя и одарил его уничтожающим взглядом, оставшимся без внимания.

Голову посетила мысль, подобная страшной молнии за окном. Сверкнула и испугала. Это судьба привела меня в это маршрутное такси, чтобы я предотвратил опасность, нависшую над этой девушкой, безмятежно спящей в данную минуту на моих коленях.

Это не водитель. Это бандит какой-то. Ну, и рожа... Ему человека... обидеть, как плюнуть из окна своего автомобиля на стоящего у обочины пешехода. Плюнуть и умчаться, не получив ответа или увесистой оплеухи. Я специально не употребил слово «убить», мне страшно подумать, что над такой неземной красотой какой-то изверг может надругаться и лишить жизни.

Я осторожно провел рукой по ее голове, сохраняя дистанцию: слегка дотронулся до локонов, пощекотав ладонь. От удовольствия я расплылся в улыбке, будто выпил литр воды и съел шампур шашлыка после недельного пребывания на необитаемом острове без еды и питья.

Девушка не отреагировала, только почмокала губами, чем вызвала еще большее наслаждение. К воде и шашлыку прибавился стаканчик красного вина. Я снова покосился на водителя, успев уловить его прищуренный взгляд в зеркале на лобовом стекле. К кронштейну был привешен лохматый черт с выпученными глазами – черное существо на ножках-веревочках, болтающихся из стороны в сторону. Раньше я бы улыбнулся такому мягкому чудовищу, но не сегодня. Черт вызвал во мне неприязнь – он был подтверждением гнусных мыслей водителя.

- На Вавилова выходят? – тем временем с неудовольствием поинтересовался водитель, будто возмущался упорству пассажиров, не желающих покидать салон маршрутки.

Мокрая человеческая масса промолчала. Лишь бабуся, сидящая слева от моей соседки, соловело заморгала глазами, словно только что пробудилась благодаря зычному окрику. Осмотрелась, желая сориентироваться на местности, и спокойно откинулась на спинку сиденья. Пробуждение требовало общения. Бабка поискала глазами жертву. Жертва тотчас нашлась.

- До чего же современная молодежь обнаглела! – зло пробубнила она и поджала губы, ожидая поддержки.

Пассажиры, пребывая в расслабленном состоянии после скоростного перемещения в поисках укрытия, разговор не поддержали. Реплика повисла в воздухе с пониженным давлением. Для ее удержания на плаву требовалась подпорка.

- Скоро уже секосом будут прилюдно заниматься, - продолжила обличительную речь старушка, пренебрегая общественным транспортом, где у нее были значительные скидки за проезд.

Исковерканное слово было понято окружающими. Они оживленно завертели головами в поисках пары, стоящей на пороге искушения. Только девчонка, уступившая мне место, продолжала заниматься собственным важным делом - бегала большим пальцем по клавишам мобильного телефона, зажатым в руке. Не заметив ничего интересного, народ погрузился в анабиоз.

Бабуся решила на очередное оживление народных масс.

- Все прегрешения начинаются с внешнего вида. Некоторые девицы одеваются сверхнеприлично и вызывающе! И сами призывают мужчин совершать поступки, влекущие за собой преступные последствия. - она заправила выбившиеся пряди седых волос под косынку с вылинявшими цветами, проверила верхнюю пуговицу на серой блузе (не дай Бог, расстегнута), оправила черную юбку, приподняв для этой цели кошелку, лежащую на коленях. При этом успела одарить недовольным взглядом оголенное бедро моей соседки. – Одно название, что юбка, - заключила она, продолжая надеяться на поддержку общества, соединенного волею обстоятельств в замкнутом пространстве.

И тут произошло нечто неожиданное. Рука девушки незаметно оправила сбившуюся юбку, незначительно удлинив ее. Сие событие не осталось незамеченным мною.

Я сам актер в весеннюю пору, но актерок не люблю. И не люблю, когда инициатива исходит от девушки.

- Нахалка, - брякнула бабушка и отвернулась к окну, навесив на лицо максимальное презрение.

Лицемерка, - мысленно подытожил я и побарабанил костяшками пальцев по кудлатой голове.

Никаких ответных действий.

- Девушка, Вы можете проехать свою остановку, - внятно произнес я, склоняясь как можно ближе.

Ее глаза тотчас открылись. Глаза хитрой лисы, стоящей у закрытой двери курятника.

- Ой, простите, - залепетала она, отрывая голову от моего портфеля. На щеке девушки отчетливо виднелся оттиск его замка.

- Укачало? – без сострадания поинтересовался я.

- Усталость сморила, - сказала девушка с улыбкой. Раньше я посчитал бы улыбку милой и извиняющейся, а теперь – лживой и развязной.

- Устала от ночных сверхурочных работ, - тихо заметила догадливая бабуся, не поворачивая головы в нашу сторону, будто жаловалась на собственный синдром хронической усталости невидимому собеседнику.

Девица сдвинула корпус в сторону бубнящей соседки и прошептала.

- Варежку закрой. – и вернулась ко мне все с той же улыбкой, которую она считала сногшибательной.

Мне захотелось очутиться на улице под проливным дождем, чтобы смыть с себя ушат лжи.

В салоне раздался женский голос с требованием остановиться. Маршрутка резко затормозила. Распахнутая дверь не оставила мне выбора. Последнее, что я услышал, был гнусавый женский голос, произнесший на распев.

- Поду-у-умаешь.

Я брел без спешки по тротуару, дождь бил меня по лицу, приводя в сознание.

Что, собственно, произошло? – мысленно успокаивал я себя. – Некая особа решила привлечь к себе внимание нетривиальным способом – не предложила напрямую скоротать вечерок у нее дома за определенную денежную сумму, а напустила туману: придумала операцию по захвату подходящей кандидатуры, навесив маску скромницы (короткая юбка не показатель облегченного поведения). Можно похвалить девушку за быструю смекалку. Я уцепился взглядом за колени, не строя далеко идущих планов, а она разработала целую военную операцию.

Приведенный довод несколько остудил мое самобичевание за неразборчивость, оставив осадок разочарования.

Обидно разочаровываться в собственной несообразительности. Как обидно приходить в норму с чужой помощью, пришедшей опять же от женщины. Пусть бабуся мудрее, но я не сопливый мальчик, свободно разгуливающий под столом. Как можно перепутать наглое притворство с девичьей непосредственностью!..

Но я не видел ее глаз! – мысленно попытался я оправдать свое поведение. - Если бы видел, то прочел в них порочную сущность.

И что меня задело больше всего? Что девушка чуть не перехитрила меня? Меня! Этакого психологического щелкунчика, способного раскусить орешек женских намерений на фазе их начального зарождения!

Устав от ударов природы и судьбы, я ступил на край тротуара и поднял руку. Автомобили пролетали мимо, не желая портить уютный салон мужским телом, облаченным в мокрую грязную одежду. Даже такси презрительно проносились по трассе, норовя добавить к моему неповторимому образу дождевой воды, которая рекой тянулась вдоль тротуара. Я настойчиво стоял на месте, надеясь попасть домой. Повисшие руки-плети намекали на последнюю стадию обреченности, мокрый портфель тянул меня к земле, будто в него нагрузили тонну кирпича. Я устал провожать взглядом разнообразные авто, опустил глаза, бессмысленно изучая лужу, в центре которой я стоял.

В этом что-то есть, - подумал я о своем наплевательском отношении к дорогой одежде и обуви. Безразличие успокаивает. Сейчас я понял, что постоянная бережливость меня напрягала. Я расстраивался, когда замечал пятно на галстуке. Или царапину на обуви. Или отсутствие пуговицы на сорочке. Утром она была, даже не болталась, а сейчас ее нет. И целый день я страдаю от этого. Непорядок меня угнетает.

Угнетал до сегодняшнего дня. Еще вчера я страдал бы от одного вида разбухших туфель, купленных неделю назад за сумасшедшие деньги. Не говоря о сорочке в странных разводах и брюках, превратившихся волею природы и моего безрассудства в половую тряпку с вытянутыми коленями.

При воспоминании о коленях меня зазнобило. И немудрено – я вымок до нижнего белья и, естественно, продрог, как мышь, случайно оказавшаяся в холодильнике. Думаю, желание полакомиться сыром у нее пропало на второй минуте пребывания в нем.

Мои желания также притупились, кроме одного – я хотел попасть домой! Так заиклился на этой мечте, что не сразу вернулся в реальность, когда рядом со мной остановился автомобиль. Наверное, я выглядел полным придурком: другой бы, не

раздумывая, влетел в салон и захлопнул за собой дверь, а я стоял столбом и пялился на розовое такси, будто это было не такси, а инопланетный корабль.

Водитель не выдержал, опустил стекло и громко произнес, стараясь перекричать шум дождя и рев моторов.

- Молодой человек, будем мечтать или поедем?

На меня смотрели два синих глаза.

Два синих глаза на румянном лице.

- Девушка, - оторопело протянул я, выбросив из памяти тот факт, что все водители розовых такси представительницы женского пола.

- Девушка, - устало подтвердила она, сбрасывая с головы пижонское кепи и препровождая его на заднее сиденье легким броском. Для следующего подтверждения она перетянула из-за спины длинную косу. Сегодня мне везет на «косатых».

Я подумал, что некоторые мужчины предпочитают волосы не меньшей длины, но пускаться в рассуждение не решился, предпочел сесть с салон авто, предварительно передернув плечами и подергав ногами, как это делают животные с мокрой шерстью, желая ее подсушить естественным путем. У них метод сушки осуществляется непрерывно, я разделил на два этапа, но это мне не помогло: одежда не пожелала отлипнуть от меня, словно перед выходом из дома меня тщательно смазали клеем.

- Я сильно вымок, поэтому нанесу урон салону. – попытался оправдаться я.

Она не ответила и нажала педаль газа. Я назвал свой адрес. Тепло салона, равномерное покачивание трудолюбивых «дворников», тихая плавная музыка подействовали на меня, как снотворное. Я расслабился и прикрыл глаза, полностью не отключая сознание.

Единожды обманувшись, теряешь доверие ко всем.

Сквозь ресницы я следил за дорогой. Я не думал, что женщина-водитель увезет меня не в том направлении, просто в груди появился слабый холодок тревоги. Он не рос, слегка беспокоил, как новая обувь, не принявшая твою ногу на первых порах. Но обувь, выбранная по размеру, вскоре ведет себя единым целым со стопой, чего не скажешь о внутреннем беспокойстве.

Я исподтишка покосился на девушку. Она была моей ровесницей или немного моложе благодаря несовременной прическе, больше подходящей маленькой девочке. Вот девчушка с косой из маршрутки выглядела гармонично. А эта напоминает жительницу глубинки, где не слыхали о салонах красоты. Я оценил ее фигуру: крепкие плечи, обтянутые синей футболкой под цвет глаз, широкие ладони, надежно сжимающие руль. Если бы не грудь, совсем не гигантская, но вполне различимая под обтягивающей одеждой, ее легко можно было принять на подростка, экспериментирующего со своей внешностью.

Я не заметил на безымянном пальце обручального кольца и это обстоятельство меня порадовало. Не знаю почему. Действительно, почему? Одно дело, если она попала в неженскую профессию по своей инициативе, а другое, если ее к этому принудил супруг-изменник, которому выгодно ночное дежурство жены.

А чего я, собственно, плету сети мужского заговора? Какое мне дело до этой девушки и до ее личной жизни. Она доставит меня до дома, я расплачусь, выйду и забуду о ней...

И не узнаю, как ее зовут...

Мой взгляд уперся в переднюю панель, где на прикрепленном бейджике была нужная информация - черным по белому было написано: Ваш водитель – Ксения Петрова.

Ксюша, значит...

Имя, как и фамилия, показались мне знакомыми. Я несколько раз мысленно повторил их, будто страдал диссоциированной амнезией – то, что было не со мной – помню, как не забываю приписных научных истин, почерпанных из средней и высшей школы, но из памяти успешно исчезают события личной жизни.

Распространенное сочетание не дало подсказку. Если бы она была Авдотьей Шендричкиной. Или еще лучше – Апполинарией Непейводициной, то я вмиг бы вспомнил. Не скажу, что я помню свою жизнь от рождения, но кое-что засело в памяти, как противная заноза. И это кое-что не всегда вызывает положительные эмоции. Увы, я помню собственные обиды, особенно те, на которые не ответил. Иногда я боялся дать сдачи противнику, превосходящему меня по силе, чтобы не понести еще большее унижение. Но находил жертву – «козу отпущения», которая перетягивала на себя внимание компании, тем самым уводя от меня грозу насмешек.

Так было в детском саду и в начальных классах школы. С годами я «застегнулся на все пуговицы», не пуская в душу посторонних. Я общался со всеми и ни с кем. Едва почувствовав опасность удара по самолюбию, я разворачивался и уходил, мысленно беря на заметку человека, который способен на унижение...

Пока я раздумывал над вступительной фразой, желая начать ничего не значащую беседу, розовое такси резко свернуло в мой двор и замерло у нужного подъезда.

Холодок стал обрастать ледяными снежками: в шестнадцатипятиэтажном доме было два подъезда, автомобиль миновал первый и остановился у второго, нужного мне.

При посадке я не уподобился главному герою фильма «С легким паром...» и не назвал этаж и номер квартиры.

Я, вообще, не озвучил номер дома! - осенило меня.

Я назвал улицу и ближайший ориентир – большой супермаркет, где и имею честь быть заместителем директора по развитию.

Да, именно, из этого здания я вышел, чтобы сбежать домой на обед, и сел в маршрутное такси, когда меня бабахнула по макушке градина.

Что это? Помутнение рассудка? Или сегодня судьба решила поиграть со мной в непонятную игру? Разнообразить мою степенную жизнь, бросив в гущу приключений.

Все эти мысли метались в моей голове, как безумный мотылек у опасной лампочки, пока руки копались в карманах в поисках нужной суммы за проезд. Левый карман порадовал десятью рублями, правый – купюрой большего достоинства – мятой сотней, но этого было недостаточно. Девушка водитель скептически хмыкнула. Я стусевался, вспомнил о бумажнике, спокойно лежащем в портфеле вместе с бумагами, над которыми я хотел покорпеть серым пасмурным вечером, и театрално вытащил его с позерством фокусника, желающего удивить не привычным кроликом, а невиданным зверем. Достал пятьсот рублей и положил на панель со словами благодарности, намекая на отказ от сдачи. Уже хотел покинуть гостеприимный салон, как почувствовал, как мне в бок упирается что-то острое, впиваясь между ребер. Я непроизвольно опустил глаза и увидел бандитский нож приличных размеров в крепкой руке женщины-водителя. Я представил, как сталь входит в мое тело, и сглотнул слюну, застрявшую посередине гортани. Я закашлялся, а нож превратился в сверло, готовое вкрутиться в межреберье. Я постучал себя по груди, будто источник кашля затаился в этом месте, побряхтел и зыркнул на девушку с косой. Звучит, как смерть с косой...

- Чего вы хотите? - прохрипел я.

- Денег. – спокойно и односложно пояснила она и кивнула на мой бумажник, зажатый в ладони.

Я посмотрел на часы, словно уточнял время нападения на мою персону. Было шестнадцать часов с несколькими минутами. Прошел всего час с момента моего выхода из супермаркета. Или немного больше. Все же прошел ЦЕЛЫЙ час, наполненный неприятными событиями.

И за час меня успели, почти успели, обвести вокруг пальца, я вымок до нитки, теперь сижу в салоне такси с прижатым к боку острым лезвием ножа.

И выгляжу при этом, как полный недотепа, который не может справиться с женщиной, пусть и вооруженной. Надо заканчивать с этой неприятной историей.

Я бросил ей на колени бумажник.

- Не думаю, что здесь есть нужная мне сумма, - девушка потрясла моим портмоне, презрительно зажав его двумя пальцами свободной руки, и еще сильнее вдавила в меня лезвие ножа.

- Зато в нем есть банковская карта.

- Я не успею ею воспользоваться, ты сразу ее заблокируешь.

- Я могу дать Вам фору.

- Я не привыкла доверять людям.

- Вы... угнали это такси. – догадался я, - поэтому и ведете себя так...

Я не успел продолжить. Она кивнула в сторону карточки на передней панели, где была фотография с указанием имени водителя. Я наклонился, желая сравнить оригинал с изображением.

- Неужели? – удивился я. – Вы рискуете – я знаю Вашу фамилию, знаю номер автомобиля. Вы не уйдете от наказания.

Я «заговаривал» ей зубы, но она не велась.

- Давай ключи от квартиры!

- Зачем? – глупо спросил я, стараясь отодвинуться от ножа. Но лезвие приклеилось к моему боку и четко повторяло мои перемещения.

- Пойду, обнесу ее, - констатировала женщина с загадочной улыбкой, что подвигло меня к сомнению в истинных мотивах.

- Там... нечего брать. Все деньги ушли на покупку новой квартиры, даже пришлось немного занять. – нагло соврал я.

- Беденький, может тебе помочь материально? – просюсюкала бандитка, поелозив острием ножа по моему крепкому телу.

- Спасибо, не надо... Пожалуй, я пойду. – слова прозвучали обыденно, будто я прощался со старой знакомой, с которой провел несколько часов, предаваясь воспоминаниям.

- Сиди спокойно, милый, - грозно, но сладко, проворковала она, - и оставь в покое ручку на двери.

Я, нехотя, выполнил приказ. Страх не было. Как не было давешнего холодка, который намекающее сидел внутри. Он выполнил свою задачу – предупредил о продолжении приключений – и исчез.

- Допустим, я отдам Вам ключи. Вы уйдете и оставите меня одного? Не боитесь, что я сбегу? А если не сбегу, то начну звать на помощь?

Девушка надрывно захихикала.

- Представляю себе – сидит молодой здоровый мужик в женском такси и взывает к состраданию проходящих граждан. Что они подумают? А то и подумают – жена приковала мужа наручниками, чтобы он не «ходил налево». В назидание, так сказать. – свободной рукой она взялась за сережку в ухе и покрутила ее, свернув мочку в трубочку.

- Вы прикуете меня наручниками? – спросил я, натужно вспоминая, где видел эту странную привычку издеваться над собственным ухом.

- А ты как думал?! Просто закрою тебя в автомобиле и уйду?

- Я не постесняюсь и буду орать, что есть мочи! – предупредил я, едва сдерживаясь, чтобы не закатиться со смеху. Ситуация меня все больше забавляла.

У меня была отличная реакция, я способен уйти от бандитки без увечий, но хотелось увидеть окончание этой истории из двух частей. Первая называлась «Маршрутное такси». Вторая – «Женское такси». В обеих частях инициатива была в руках женщин. В первом случае я «потерял лицо», и ушел, не сказав последнего слова. Теперь я дождусь своей очереди.

Я предоставил ей в личное пользование связку ключей, назвал номер квартиры, сподобился рассказать, какой ключ от верхнего замка, какой от нижнего. И предупредил, что верхний замок заедает.

Она, молча, слушала, прищурилась глазами. Когда поток моих инструкций иссяк, девушка подбросила на ладони связку ключей, сместила нож к моему подбородку, придвинулась ко мне и спросила задушевым голосом.

- Это все?

Кивнуть я не мог, как и раскрыть рта, поэтому в подтверждение закрыл и открыл глаза. И едва сдержался, чтобы не заржать. Я вспомнил одну новогоднюю комедию (что-то весенняя непогода навеяла воспоминания о зимних праздниках), где герою вывихнули челюсть. Говорить он не мог, но чтобы подтвердить желание выпить стакан водки, он моргал глазами. Прямо, как я сейчас.

- Нервничаешь? – с искусственным состраданием поинтересовалась девушка по имени Ксюша, приняв мое подергивание за нервозность.

Ни кивать, ни разговаривать я не мог, моргать не хотел, поэтому сказал весомое «Угу», передразнив филина.

В руках Петровой непонятным образом появился термос, она сунула его мне, сместив нож в привычное межреберье.

- Открывай, наливай и пей! – спокойным тоном приказала она, будто слыла известным целителем, пропускающим за день пару сотен людей с недугами.

В это время в окно такси кто-то робко заскребся. Мы с Ксенией вздрогнули, нож напомнил о себе больным уколом.

Я повернул голову и увидел мою соседку Нинку. Она гаденько улыбнулась и прокричала.

- Что же ты, Геночка, застрял в этом такси? Или девушка приглянулась?.. Но Вы ему, девушка, не верьте, он начнет заливать соловьем, а дальше песен не пойдет! Видите, даже в гости к себе не приглашает, чаем из термоса угощает в автомобиле.

Ксюша приоткрыла окно и сказала.

- Это не он меня, а я его угощаю! Так мы друг другу приглянулись, что никак расстаться не можем, несмотря на то, что у меня план «горит», а у... Гены важное дело, не терпящее отлагательств. А что касается песен, то думаю, у нас дело сладится, - доверительно сообщила она Нинке, у которой улыбка мгновенно сменилась гримасой неудовольствия, а глаза метнули молнии. В подтверждении своих слов, таксистка разжала ладонь и заявила, - Геночка мне ключи от квартиры дал.

Мне речь Петровой понравилась, я мысленно ей поаплодировал, надеясь, что Нинка перестанет обивать мой порог, используя бытовые нужды.

Я щелкнул языком и подтвердил слова водителя многозначительным кивком, потом не сдержался и выдал.

- Любовь с первого взгляда. – сказано это было, как положено закоренелому холостяку – с налетом грусти и с мечтательной улыбкой на устах.

- Ха-ха! Так я и поверила! Он в свою стерильную квартиру никого не пустит, тем более какую-то замухрышку! – презрительно высказалась соседка, развернулась и засемила под зонтом в сторону супермаркета.

- Отвергнутая женщина хуже землетрясения. Землетрясение покачает-покачает и успокоится, а отвергнутая любовница никогда! – констатировала Петрова, провожая Нину глазами. Замечание соседки она оставила без внимания.

- Интересная мысль, - робко поддержал я философскую беседу и поспешил откреститься от скандалистки, - но эта женщина не моя любовница.

- Милый, ты не отвлекайся, делай, что сказала. – она кивнула на термос, зажатый в моих руках.

- Там яд?.. Поэтому Вы открыто идете на преступление?.. Но Нина тоже Вас видела! – вспомнил я.

- Не рассуждай! Наливай и пей! До твоей Нины тоже очередь дойдет!

- А Вы? – с надеждой спросил я. При этом подумал: а не предложить ли ей начать с противной навязчивой соседки. Не из трусости, а чтобы умереть с чувством совершеннейшей свободы, на которую покушалась Нинка.

- Что-то не хочется, - заявила Ксения голосом капризной женщины, которой на ужин предложили устрицы, доставленные по ее просьбе дневным рейсом из Лозанны.

- И мне совсем не хочется пить! – заверил я Петрову, возвращая ей термос.

- А надо, - вернула она его мне. – Ты сильно вымок, тебе надо согреться, а в термосе горячий вкусный чай с чабрецом и мятой.

- Наверное, мне лучше сначала принять ванну, а уж потом... пить чай.

- Позволь мне решать, что лучше, - проворковала девушка.

А будь, что будет, - мысленно взвыл я, налил чай и сделал небольшой глоток, прислушиваясь к своему организму. Горячий чай он принял с благодарностью. Тогда я рискнул и допил до конца. И сразу накатило оцепенение, глаза застил туман, ноги и руки стали непослушными. Я хотел что-то сказать, но язык занял все пространство рта и не мог повернуться. Мне снилось или я, правда, куда шел, слегка пошатываясь. И скорее всего, дошел, почувствовав под своим уставшим телом мягкую горизонтальную поверхность, весьма похожую на мой диван...

Утро было ясным и солнечным. Не раскрывая глаз, я сладко зевнул, потянулся, захрустев суставами, растянул губы в блаженной улыбке и... вспомнил.

Вспомнил вчерашний неудачный день, маршрутку с влажными телами, блудливую девицу в короткой юбке и красивыми коленями и розовое такси.

Я подскочил на диване и с видом отменного слухача приготовился выполнить поставленную задачу. Звуки в квартире не поражали необычностью. В кухне мирно похрюкивал холодильник, и шуршали настенные часы, комната с задраенными окнами погрузилась в вакуумную тишину. Следов пребывания постороннего человека не было. Я осторожно приблизился к двери совмещенного санузла, приложил ухо, ничего не уловил и резко дернул дверь на себя. Ванна сияла чистотой, чего не скажешь о вчерашней одежде, сваленной в ящик для грязного белья. Одна штанина брюк свисала наружу, словно намекала на плачевное состояние всего остального.

- А кого я, собственно, ищу? – громко спросил я у притихшего окружающего пространства. – Если Ксения явилась, чтобы обнести меня, то ей незачем ждать моего пробуждения... А пробуждение... все же случилось, - промямлил я, с трудом вникая в смысл фразы. – А почему оно случилось? Ведь бандитка не рассчитывала на такой исход. Она думала, что мне... хана.

Я ступил в ванну, подошел к зеркалу, желая изучить свое лицо. Оно выглядело обычно, только бледнее, и под глазами появились мешки, и взор слегка туманен. Хорошо, что сегодня у меня выходной и можно отлежаться. Я высунул язык, с удовлетворением заметил, что он обычных размеров, пусть и с белым налетом, облегченно вздохнул и пошел проверять заначку. За картиной эпохи беспредельного сумасбродства хранился конверт с конвертируемой и неконвертируемой валютой, которую я не желал отдавать на хранение банку. Я пересчитал купюры и убедился, что воровка Ксюша оказалась неопытной – не обнаружила неоригинального места хранения денежных средств. Других ценностей в моей квартире не было. Но на всякий случай я проверил свой гардероб, чтобы убедиться в его наличии. Вдруг таксистка прихватила что-нибудь для своего бойфренда. Потому и выбрала меня среди всех пассажиров – у нас размеры совпадают.

Все вещи висели на своих местах.

- Ничего не понимаю, - вздохнул я и отправился в кухню.

К боковой стене холодильника с помощью магнита была прилеплена... моя фотография форматом А4.

Я лежал на спине с закрытыми глазами, упокоив одну руку на груди, а другой подперев голову. На мне не было ничего, кроме белых трусов, украшенных фигурками черных котов с длинными усами и хвостами в виде вопросительного знака. Это необычное мужское белье мне подарила мама. Без случая, просто так, «на счастье». Она не разделяла общую точку зрения на этих животных, напротив, считала, что наличие в доме черного кота несет изменения в положительную сторону. Ее намек был ясен, как сегодняшнее утро, позабывшее вчерашние погодные сюрпризы: родительница мечтала о моей женитьбе. Она спала и видела, как в мой стерильный дом, выражаясь языком Нинки, войдет женщина, а через девять месяцев этот же дом огласится детским писком. Мать утверждала, что я становлюсь занудой и еще чуть-чуть, и я превращусь в законченного брюзгу, не расстающегося с пылесосом и половой тряпкой. Это не так, иногда я опаздываю на работу и не успеваю вымыть посуду. Как вчера. Я не только оставил в мойке чашку и тарелку, я надел то, что под руку попало. И начал с подарка матери.

Я опустил глаза. На мне были те же трусы.

Кто-то меня раздел и сфотографировал. Потом ушел, по-быстрому напечатал фотографию, вернулся, прилепил ее к стенке холодильника и ушел... И это кто-то – Ксения Петрова. Больше никому... Она довела меня до квартиры и продела все ЭТО со мной... Но зачем?

Ответ нашелся на столе. Записка гласила: «Кораблев! Если не извинишься, то такая же фотография, но больших размеров украсит стекло супермаркета!!!»

Я вырвал из-под магнита собственное изображение, скажем прямо – весьма недурное, прихватил записку и отправился на диван. Лежа, легче думалось. Тем более, когда голова плохо держится на крепкой шее.

Чем же она меня опоила? – мысленно задался я вопросом, ритмично подергивая думающим органом, желая уложить в правильном порядке сдвинутые мозги. Мозги катались внутри, как бочонки в лотерейном барабане. – Скорее всего, снотворное. Потому и голова, как чугунный котелок. Может, мне позвонить диспетчеру розового такси и заказать автомобиль Петровой? – загорелся я, но быстро остыл, вернув тело в горизонтальное положение. Меня слегка знобило, поэтому я натянул на себя одеяло, скрыв под ним «трусы в котках».

Для начала я должен во всем разобраться. Раз Ксения требует извинений, значит, я перед ней провинился! – Привел я резонный довод. Следовательно, мы с ней раньше встречались. Не зря она обратилась ко мне по фамилии. Но она могла найти паспорт и взять данные оттуда. Нет! – Весомо произнес я. – От незнакомца не требуют извиниться в ультимативной форме.

А если девушка меня с кем-то перепутала?

Вероятно, но обидно – я считаю себя индивидуальностью, а не рядовым мужчиной, которого можно спутать с первым встречным.

Я заново изучил фотографию и подумал, что моя фигура позволяет рекламировать мужское нижнее белье. Но не такого фривольного содержания. Мамочка хотела напомнить, что я для нее маленький мальчик. Еще бы подгузник купила... В подгузнике я бы смотрелся не так эстетично, чем в трусах. Вот если бы они были однотонными, тогда я не стал бы возражать против увековечивания на стекле супермаркета. Но как повел себя в этом случае директор? Вызвал бы к себе и предложил написать заявление по собственному желанию, ссылаясь на имеющийся у меня неплохой побочный заработок. Ему бы не претило, что подчиненный снят без одежды, ему просто стало завидно – у Пал Семеныча фигура не позволяет рекламировать нижнее белье.

Я представил себе грузного директора с пивным пузиком, короткими волосатыми ножками, плечами, перетекающими сразу в голову – шея опущена за ненадобностью – руководящему работнику не надо вертеть головой, он смотрит прямо в светлое будущее подопечной ему торговой точки. Пожалуй, не точки, а заметной кляксы на карте родного города.

Мои мысли унеслись в прошлое. Я подумал: хорошо, что в наше время были только шариковые ручки. Мама мне рассказывала, что в ее школьные годы они писали наливными ручками, вечно пачкались чернилами и ставили кляксы.

В первом классе у меня была соседка по парте... Как же ее звали? Убей, не помню! Она перевелась в другую школу после окончания второго класса. Мы с ней сразу невзлюбили друг друга. Она рисовала мне в тетрадах цветочки, я тыкал ей ручкой в щеку, желая оставить след на всю жизнь. Девчонка никогда не плакала и не жаловалась родителям. А когда она ушла, я скучал по ней. Наверное, это была первая любовь, когда ты не понимаешь своих чувств и действуешь таким диким способом.

Был еще один случай, про который я не люблю вспоминать. Я сожалел о случившемся, но прощения не попросил. Это было в самом конце мая, перед летними каникулами. Шел урок физкультуры, моя соседка лихо карабкалась по канату, а я подпрыгнул и хотел ухватить ее за ноги, хотел подшутить, но в руки попались спортивные штаны. Штаны поехали вниз, и все увидели трикотажные розовые трусики. Все стали смеяться, а я громче всех. Девчонка сползла вниз, подтянула штаны, посмотрела на меня исподлобья, развернулась и ушла.

А что послужило толчком к такому поступку, я отлично помню - мое падение с брусьев! Я шмякнулся на пятую точку, некрасиво расставив ноги, и стал всеобщим посмешищем. И сразу нашел выход из затруднительной ситуации – вывел в качестве клоунысы на цирковую арену свою соседку по парте.

С тех пор я девочку не видел. Тогда я долго размышлял – стал ли я причиной ее перевода в другую школу или так сложились обстоятельства? Обстоятельства меня устраивали больше. Желая успокоить совесть, я внушил себе – невиновен! Внушил и забыл о ней и о своем поступке.

Воспоминания ворвались в память, как ураган в конце знойного дня – неожиданно и разнузданно. Ворвались, растревожили душу и отчетливо восстановили картину того далекого майского дня.

У моей соседки по парте были синие глаза, она прожигала меня ими и... крутила пальцами сережку в ухе, закручивая мочку в дудочку.

- Сюня Петрова?! – задохнулся я. Именно, так я назвал ее двадцать с лишним лет назад, намекая на ее заторможенность и любовь ко сну. Ни Ксения, ни Ксюша, ни презрительно по фамилии, намекая на холодность отношений. Поэтому не вспомнил ее, когда прочел бейджик в такси.

Сюня Петрова – моя первая детская любовь. Я забыл за эти годы ее лицо, помнил только синие – пресиние глаза, а сейчас еще вспомнил странную привычку накручивать мочку на дужку серьги.

Теперь понятно, о каком извинении она написала. Неужели все эти годы Петрова мучилась от той ужасной моей выходки?

Жила с унижением и надеждой на извинение?

Но это глупо! Конечно, я повел себя некрасиво. Допустим, мое поведение послужило толчком к ее уходу из школы. Смена обстановки закрыла от нее тяжелым занавесом незначительное происшествие. Это при условии, что человек, нанесший обиду ей безразличен. Как прохожий с плохим настроением, желающий выместить накопившуюся неприязнь на человека со счастливой миной на лице. Ишь, ты, не идет, а летит, словно у него крылья выросли. А-ну, я ему себя жизнь подгажу! И бросает на ходу какую-нибудь

гадость. Счастливый человек опускается на землю, осматривается по сторонам, видит перед собой нервическую особу, неважно какого пола, понимает, что с ним незнаком, в связи с чем, грязное обращение не может относиться к нему, следовательно, не может ранить.

Это для людей немнительных, то есть не таких, как я. Если я пойму, что эту злыдню вижу впервые, что он обозвал меня в силу своего плохого настроения, то все равно стану мучиться и мысленно повторять слово, брошенное мне на ходу.

А почему он меня так назвал?

А почему я ему не ответил?

Потому что не сообразил, как сразить его одним увесистым словом, чтобы пропала охота на дальнейшие уличные развлечения.

Он развлекается, подпитывается чужими обидами, забирает себе беззаботную радость, отдавая взамен плохое настроение. И раздает «комплименты» направо и налево, пока не найдет впечатлительного человека с нужной ему реакцией.

Я не могу отдать «комплимент», как эстафетную палочку. Нелитературный словарный запас весьма скуден, но не в этом причина. Я больше склонен к веселым розыгрышам, пусть и задевающим чье-то достоинство. Но розыгрыши остались в детстве, а детство безвозвратно ушло, прихватив за компанию дерзкие выходки.

Я уже говорил, что мой язык «развязывается» весной, все остальное время года я погружен в дела. Я предан работе, как раб своему хозяину. Я совершенствуюсь и развиваюсь, я живу для себя и ради себя. Иногда для единственной женщины на свете - моей матери. Она старается лишней раз не загружать меня своими проблемами, и я ей за это благодарен.

Да, я эгоист. Я люблю себя и свой мир, не впуская в него никого, даже временно. Предпочитаю встречаться с женщинами на их территории, чтобы иметь возможность уйти в любую минуту. Нахлынуло разочарование, сказал «Гудбай, милая» и исчез из ее жизни.

Разочаровать меня легко. Заметил непорядок в одежде или в быту, услышал слово с неправильным ударением, и интерес пропадает, как вкусный торт в большой компании сладкоежек. Только что стоял на столе и вдруг «корова языком слезала».

Я никогда не жалею ни о чем. Я забываю об очередной женщине, как о плохой книге, даже не плохой, а никакой, бесцветной. Плохая книга оставляет неудовольствие и сожаление о потерянном времени, «никакая» книга отправляется в мусорный бак, чтобы случайно не попасть под руку лет через десять. Или двадцать...

Как мне повстречалась Сюня Петрова. Случайно ли?.. В такую случайность я не верю. Вероятно, что однажды она меня увидела и узнала, а я ее нет. Заинтересовалась моей персоной, разузнала обо мне, и стала ждать подходящий момент.

Для чего? Для требования извинений за конфликт, произошедший более двадцати лет назад? Если это так, то могу с уверенностью сказать, что у девушки «не все дома». В голове полное «ку-ку». Не зря она угрожала мне холодным оружием. Хорошо, что не привела орудие в действие и не выбросила из автомобиля на мокрый асфальт.

Я представил, как лежу в грязи с дыркой в боку и истекаю кровью, а мимо идут люди и не обращают на меня никакого внимания. Какая черствость!

Безразличие подобно контрольному выстрелу. Оно добивает.

Почему я возмущаюсь? Как бы я сам поступил в подобной ситуации? Не думаю, что бросился бы к окровавленному телу. Вдруг испачкаю свою брендовую одежду, испорчу хорошее настроение, дотронусь до чужого горя? Лучше пойду своей дорогой, и еще голову отверну, будто шею заклинило. И изображу на лице страдание – у меня своих проблем хватает. Или деловую собранность, из-за которой никого вокруг не замечаю.

И этот человек (это я про себя) возмущается человеческим безразличием!

Законченный эгоист!

У меня нет друзей, потому что я не хочу слышать просьбы, и не желаю их исполнять. И никогда сам не прошу об услуге. Не даю денег взаймы и не беру в долг. Помощь мне не нужна, я сам решаю свои проблемы и горжусь этим.

В голове постучала осторожная мысль: вдруг случится... личная катастрофа, с которой я единолично не смогу справиться. Например, серьезная болезнь. А я один на тысячу километров. Почему на тысячу? Так до единственного родного человека надо проехать девятьсот восемьдесят километров. Угораздило ее выйти замуж на старости лет! Признаться честно, я против ее брака не возражал – чем дальше, тем роднее...

Пока мать доберется, я буду лежать бездыханный и холодный. В час похорон соберутся люди и станут перебирать в уме мои заслуги, чтобы упомянуть их в прощальной речи. Но кроме «хорошего работника» и «любящего сына», в памяти ничего не всплывет. Никто не расскажет за поминальным столом, после нескольких рюмок горячительного, курьезный случай, который произошел с усопшим. Потому что усопший был, как руководитель Северной Кореи – знают, что такой есть, и не более того.

И так мне стало тоскливо, что захотелось порадовать себя чем-нибудь. Чашечкой кофе и бутербродом с икоркой.

Я опустил ноги с дивана, в очередной раз полюбовался своей фотографией, вскочил, чтобы выполнить собственное желание, но не сделал и шага. Предметы начали вращаться вокруг меня, я закрыл глаза, меня замутило. Я открыл глаза – вращение ускорилося. Я почувствовал, как мои ноги становятся тряпичными и скручиваются в один крепкий жгут. Это было последнее, что я осознавал...

Мне мерещилась Сюня Петрова. Она прикладывала свою ледяную ладонь к моему раскаленному лбу, и мне становилось легче, жар в голове откатывал от глаз, и я мог любоваться ею. Ее синими очами, вздернутым носом с крапинками веснушек, губами, которые что-то нашептывали, но я не разбирал что, ровными белыми зубами, двумя складками между бровями, намекающими на озабоченность.

Я ее обидел. Давно. А она озабочена прошлым, настоящим и неизвестным будущим. Если я попрошу прощения, все станет на свои места, Ксения успокоится и станет жить дальше без грызущей обиды. Если проигнорирую ее угрозу, то увижу рекламный баннер на стекле супермаркета и сменю место работы. Возможно, найду более интересную работу, но точно – прославлюсь! Думаю, что женский пол не зациклится на нижнем белье, их заинтересует мужская фигура...

Но Сюня останется при своих душевных переживаниях!

А какое мне дело до какой-то там таксистки Петровой? – пришла больная мысль в объятую пламенем голову, по которой вдобавок стучали барабанными палочками, перепутав ее с нужным инструментом.

Полузабытье сменилось полным провалом. Я падал в глубокую воронку, кружась по спирали, а сверху на меня смотрели два синих глаза, как два одиноких василька на бескрайнем однообразном поле.

Я хотел достигнуть дна, грохнуться и успокоиться. Избавиться от сильной боли, мечущейся от головы до пят подобно шаровой молнии. Она выжигала меня изнутри. Но все падал и падал. И вот, наконец, я почувствовал боком конусообразное дно воронки, свернулся в позе зародыша, подтянув к подбородку колени, и успокоился. Голова перестала гудеть и кружиться, как испорченная карусель, только беспокоили прикосновения к спине чего-то холодного и плоского. Дотронуться, замрут, сместятся в сторону, снова замрут... Я замычал, пытаюсь выказать недовольство. Я хочу заснуть глубоким сном, отдохнуть, а затем выбраться из воронки. Найти Петрову и извиниться. Не

потому, что не хочу рекламировать мужское белье и боюсь потерять хорошую работу. Я хочу снять камень с ее души, который сам туда забросил.

Но я должен прорепетировать свою речь. Как мне начать? А зачем «ходить кругами»? Я приду и скажу:

- Ксюша, извини меня! Я очень виноват перед тобой. Я солгу, если скажу, что все годы мучился от содеянного... Я ношу в себе обиды, нанесенные мне лично, свои отвратительные поступки я забываю. Не думай, что я испугался, меня даже позабавил случай в такси. Ты была неповторима. Впервые женщина угрожала мне ножом. Сначала меня хотели обольстить, потом убить... Или ты меня все же убила? Отравила ядом, который обладает странным отсроченным действием? И я нахожусь на том свете. Удивительно, но я чувствую себя великолепно! Мое тело невесомо, я свободен от проблем, я не мучаюсь от того, как выгляжу, не задумываюсь о покупке мебели, мне все нипочем! Наплевать на соседку Нинку, которая донимает меня своими визитами и норовит просочиться в кухню, шлепая по блестящим полам своими стоптанными тапками. Я не боюсь вызвать неудовольствие директора.

Я понял – нельзя всю жизнь чего-то бояться, но при этом делать вид, будто тебе все безразлично, работа не в счет. Я раб. Я трудоголик. Я живу работой.

И кто мне скажет спасибо? И кому нужно это рабство? Кто оценит его по достоинству? Пал Семеныч? Облагодетельствует премией? Я пойду в мебельный салон, потрачу эту премию одним махом, привезу домой очередную вещь и стану любоваться ею... в полном одиночестве.

Если бы у меня была любимая женщина, я потратил всю премию на нее. Не на себя – перевоспитанного эгоиста, а на... Сюню Петрову.

Я не подумал о своих бывших возлюбленных, я сразу остановил свой выбор на однокласснице. Перепуганной девочке с синими глазами, которая обожает издеваться над мочкой собственного уха.

Какой же ты мерзкий тип, Генка Кораблев! Одним проступком перепрограммировал себе жизнь... И теперь обратного пути нет. Из преисподней не выбраться. Осталось дожидаться чертей, которые сварят тебя в котле, как всех грешников.

Но жар ада стал медленно отступать, словно меня переместили в рай за неизвестные заслуги. Я не видел цветущего сада, но почувствовал неповторимый аромат. Теперь я лежал на земле, застеленной зеленым ковром мягкой травы, и любовался плывущими облаками. Они заигрывали со мной: то закрывали солнце от меня, то снова выставляли напоказ. Я улыбнулся им и произнес скрипучим голосом одно слово.

- Хорошо.

И сразу небо затмили два синих глаза.

- Очнулась! – радостно протянула Сюня.

К ее голосу присоединился знакомый аккомпанемент – дверной звонок. Петрова исчезла и вскоре появилась вместе с моей мамой.

- Геночка! Сыночек! Как ты нас напугал! – запричитала она, усаживаясь на край моей кровати.

- А ты что здесь делаешь? – я удивился появлению своей родительницы, опустив факт нахождения в моей квартире бывшей одноклассницы.

- Меня Ксюшенька отговаривала приезжать, говорила, что ничего страшного, доктор сказал – простуда, но материнское сердце не обманешь. Я собралась и приехала. Оказалось, что это не просто простуда, а двухстороннее воспаление легких, ты неделю был без сознания. Хорошо, что у Ксюши были ключи, она пришла и нашла тебя на полу...

- Мать повернулась к Петровой, стоящей за ее спиной и обеспокоенно смотревшей на меня, будто предупреждала взглядом о молчании. – Доченька, я до конца жизни буду тебе благодарна.

- Что Вы, Надежда Семеновна, - стушеввалась Сюня.
- Мам, ты могла бы оставить нас наедине? – попросил я.
- Конечно-конечно, - закивала она, - пойду, бульончик сварю. Я на рынке такую курочку хорошую купила.
- Надежда Семеновна, я сама сварю, отдохните, - мягким голосом произнесла девушка. Не голос, а горный ручеек. И совсем не похож на тот, который я слышал в тот дождливый день в такси.

Тогда была другая Ксения – жесткая, требовательная. Сейчас с ней произошла заметная перемена, будто это не она, а ее сестра-близнец.

- Отдохни, дочка, ты и так несколько дней глаз не сомкнула. – заявила мать и вышла, прикрыв за собой дверь.

Петрова отвернулась к окну, за который по небу ползли игривые облака.

- Сюня. – я впервые произнес ее переделанное мною имя вслух. Она повернулась на зов. Глаза-васильки гладили меня, ласкали меня и... беспокоились. – Сюня, я хочу...
- Не надо Гена, - перебила она меня, - ты все сказал в бреду, зачем повторяться. Не думаю, что тогда ты был неискренним.
- Ответь меня на один вопрос, - после затянувшейся паузы произнес я. Петрова напряглась, затем с готовностью кивнула. – Что было в чае?
- Чабрец и мята, - усмехнулась она.
- Но... я отключился. В чае было снотворное? – не успокоился я.
- Чабрец и мята, - продолжала стоять на своем девушка. – Ты, Гена, очень мнительный. Настроил себя на то, что сейчас выпьешь яд, вот тебя и повело.
- Но не до такой же степени у меня развита мнительность, что я могу выпить безвредный чай и потерять сознание.
- Вероятно, ты до этого успел простудиться, но не ощущал недомогания, потом вымок до нитки, усугубил болезнь, температура подскочила, в такси ты... получил стресс, выпил чай и размяк. Я с трудом довела тебя до квартиры и уложила в постель.
- Раздела, сфотографировала и оставила записку угрожающего содержания. – напомнил я, изучая ее лицо, на котором отражалось каждое мое слово.
- Я была... зла на тебя.
- Неужели все годы ты носила в себе обиду?
- ... Психологи говорят, что безобидное на первый взгляд действие может привести к непоправимым последствиям. – Петрова заметила мой удивленный взгляд и затараторила,
- я не имела в виду психические заболевания, но... но мне тяжело жилось с этим, - она постучала кулачком себя по груди, показывая, где притаилась обида.
- Я...
- Гена, давай не будем возвращаться к тому, о чем вспоминать неприятно и горько. Неужели нам нечего больше вспомнить?
- ...Сюня, а помнишь, в первом классе...

- Генка, я любила тебя все эти годы. Любила и ненавидела одновременно. Не за тот проступок, а за то, что ты живешь без меня. Живешь и не скучаешь. Не мечтаешь обо мне, не хочешь увидеть. Пришлось взять инициативу в свои руки.

Мы сидели на палубе теплохода и млели под ласковыми лучами сентябрьского солнца. Свадебное путешествие подходило к концу.

- Мне часто снился один и тот же сон – я иду по полю рядом с девушкой. На ее голове венок из васильков. Синих-синих, как ее глаза. Потом я останавливаюсь, раскидываю руки и кричу: Я люблю тебя! Она смеется и прижимается ко мне. Я хмелею от нее, от

запаха ее кожи, смешанный с запахами полевых цветов и свежей травы, и чувствую себя совершенно счастливым человеком... А после просыпался и забывал - какое счастье на запах, на вкус. Обманывался, считая себя счастливым одиночкой.

- Самообман – бегство от самого себя, - пофилософствовала моя жена, продолжая накручивать дужку серьги на мочку уха...

Май - июнь 2012года
г. Ростов-на-Дону